

УДК 37.013

А. Н. Шевелев

«СЛОЖНЫЕ МОМЕНТЫ» БИОГРАФИИ К. Д. УШИНСКОГО

Аннотация. В статье делается попытка наметить перспективы исследований биографии К. Д. Ушинского для современной отечественной истории педагогики, что представляется важным в год 200-летнего юбилея К. Д. Ушинского и связанной с ним актуализации его педагогического наследия в Год педагога и наставника. Доказывается необходимость более сложной, отказывающейся от привычных советских и дореволюционных идеологием в трактовках факторов, влиявших на педагогическую деятельность К. Д. Ушинского, системы исследований его биографии. В статье рассматриваются некоторые варианты дальнейшего изучения биографии великого российского педагога: альтернативы его жизненного пути, взаимодействие Ушинского с представителями государства в вопросах развития отечественного образования, исследование становления «феномена Ушинского» в отечественном педагогическом сознании в разные исторические эпохи, вплоть до современности. Статья может заинтересовать всех, интересующихся историей отечественного дореволюционного образования

Ключевые слова: Константин Дмитриевич Ушинский, история педагогики и образования, историко-педагогическая персоналистика, педагогические наследие, год педагога и наставника.

A. N. Shevelev

«DIFFICULT MOMENTS» OF THE BIOGRAPHY OF K. D. USHINSKY

Abstract. The article makes an attempt to outline the prospects for researching the biography of K. D. Ushinsky for the modern national history of pedagogy, which seems important in the year of the 200th anniversary of K. D. Ushinsky and the associated actualization of his pedagogical heritage in the Year of Teacher and Mentor. The need for a more complex, abandoning the usual Soviet and pre-revolutionary ideologies in the interpretations of the factors that influenced the pedagogical activities of K. D. Ushinsky, the system of research on his biography is being proved. The article considers some options for further studying the biography of the great Russian teacher: alternatives to his life path, Ushinsky's interaction with state representatives in the development of domestic education, a study of the formation of the "Ushinsky phenomenon" in the domestic pedagogical consciousness in different historical eras, up to the present. The article may interest everyone interested in the history of the domestic pre-revolutionary about.

Keywords: Konstantin Dmitrievich Ushinsky, history of pedagogy and education, historical and pedagogical personalism, pedagogical heritage, Year of teacher and mentor

Введение. Биография великого российского педагога, 200-летие которого страна отмечает в этом году, предоставляет не меньше поводов для размышления исследователей его творчества, чем привычный и многократно производимый анализ его педагогических идей. Сам по себе такой анализ «наследия», без критического осмысления биографического контекста, становится чаще всего лишь «цитатником», когда в произведениях К. Д. Ушинского находят подходящие афоризмы для авторитетного подтверждения любых самых противоречивых педагогических инициатив современности.

Но и сама биография великого педагога не может быть понята вне общеисторического и историко-образовательного контекста, в котором Ушинскому приходилось творить. Отношение к образовательной ситуации России и ее школы середины 19 века в огромной степени зависит от идеологических предпочтений исследователей, избавиться от которых окончательно в принципе невозможно, как бы последующие авторы не стремились к научной объективности. Они погружены в контекст не только изучаемой, но и современной им эпохи и потому мыслят о прошлом, невольно задействуя современные аналогии. Однако, это всего лишь аналогии и степень их соответствия реальности прошлого нуждается в специальной рефлексии. Например, последователи Ушинского из либерально-

демократического лагеря дали начало традиции восприятия его деятельности лишь как непрерывной борьбы с педагогическим консерватизмом царской школы и офицозно-бюрократического управления ею, что во многом справедливо, но все же лишь отчасти и не столь односложно [Фролков, Острогорский, Песковский, Демков, Ельницкий, Чернышев]. Именно эта направленность в отношении к Ушинскому оказалась максимально выгодна и развита в СССР, когда Ушинский превратился в работах советских исследователей едва ли не «в борца с режимом», положившим на это всю свою недолгую жизнь (кстати, для того времени 47 лет была достаточно продолжительная жизнь даже для представителей образованного общества, не говоря уже о простолюдинах).

Материалы и методы. Сегодня мы можем взглянуть на биографию Ушинского более беспристрастно, попытавшись разобраться в некоторых сформировавшихся исторически, необычайно устойчивых спорных моментах, которые задают поле для новых исследований по теме «К. Д. Ушинский». Такое исследовательское поле объективно сужено, так как практически все известные материалы по биографии Ушинского уже введены в научный оборот и рассчитывать на появление новых источников информации вряд ли приходится. Остается переосмысление, когда и почему сформировалась

та или иная оценка того или иного биографического сюжета и как она может интерпретироваться. В конце концов, прекрасные биографии Ушинского, принадлежащие перу В. Я. Струминского, В. К. Зажурило, А. Н. Иванова, С. Ф. Егорова и Э. Д. Днепровы выстроены в той же логике: сперва подробнейшая и обоснованная подборка фактов, а затем явно идеологизированные советские оценки-выводы, столь мало объясняющие современному читателю, но являющиеся обязательным требованием советской эпохи [Ганелин, Струминский, Иванов, Зажурило, Ушинский].

В блестящей программной статье в «Учительской газете» от 14.02.2023, посвященной 200-летию К. Д. Ушинского, член-корреспондент РАО М. В. Богуславский воспроизводит следующую сюжетную рамку, отгалкиваясь от которой можно пытаться «нащупать устойчивые паттерны историографии», биографические идеологемы, связанные с Ушинским, созданные тремя (дореволюционным, советским и постсоветским) поколениями ее исследователей и транслирующие более поздние представления об Ушинском на его биографию [Богуславский, 2023]. Попробуем на основе выдержек из этой статьи, наиболее отражающей современное состояние исследований творчества великого педагога, обосновать некоторые сомнения, касающиеся его биографии.

Результаты исследования.

О предрасположенности

К. Д. Ушинского

к педагогической деятельности

«Все это разожгло в душе молодого человека яркий огонь здоровых амбиций. Осознавая свои незаурядные способности (где бы он ни учился, **всегда выделялся** среди учеников), Ушинский все отчетливей понимает свою благородную миссию – наперекор неблагоприятным обстоятельствам способствовать прогрессу Родины» [Богуславский, 2023].

Но такая активная гражданская позиция была свойственна в те годы не только Ушинскому и касалась не только педагогического служения. Скорее, срабатывало противоречие репрессивной николаевской эпохи и культурного взрыва национального самосознания пушкинского века 1830–1840-х годов, преддверия будущих реформ. Вера Ушинского в прогресс и просвещение несомненна, но как общее, свойственное образованной молодежи тех лет явление. А вот готовность Ушинского именно к педагогической деятельности требует специального изучения. Он, несомненно, был отлично готов к работе преподавателя вуза. Но проблемы начальной и средней школы того времени в молодые годы были ему не знакомы. Впрочем, в те годы хорошая предметная подготовка, полученная в гимназии и университете, воспринималась как достаточная для педагогической работы в любом учебном заведении.

По поводу увольнения Ушинского из Ярославского лицея

«Однако подобные передовые взгляды (К. Д. Ушинского – Ш. А.) не разделяли учебное начальство и некоторые коллеги. В последовавших доносах К. Д. Ушинский обвинялся в политической неблагонадежности. За ним был установлен негласный надзор. Причем молодому профессору даже не смогли инкриминировать что-то конкретное. Просто попечитель лицея порекомендовал удалить его, предвосхищая возможные проблемы. Все это в итоге привело к тому, что в 1849 году Константин Дмитриевич вынужденно оставил профессорскую кафедру в Демидовском юридическом лицее. Так в первый, но, к сожалению, далеко не в последний раз Константин Дмитриевич столкнулся с основным противоречием его деятельности: благородное и успешное стремление модернизировать и усовершенствовать то поприще, к которому он прикладывал в данное время свои таланты, в итоге неизбежно приводило его к очередному профессиональному и жизненному краху» [Богуславский, 2023].

Уволен был из Демидовского лицея не только Ушинский, но и еще два молодых преподавателя, явно не за конкретные обвинения, а превентивно, «на всякий случай» и в контексте общей политики преследований, которая в процессе дела петрашевцев коснулась всех университетов.

Личный крах для Ушинского состоял в том, что ему не довелось стать вузовским преподавателем.

Работать учителем начальной школы ему не доверили, а вот чиновником департамента МВД оказалось работать можно, что трудно вписывается в общую картину «закрытых перед Ушинским дверей». Психологически стать чиновником для Ушинского было тяжело, несмотря на льготный и позволяющий развиваться режим (работа дома, подготовка аналитических отчетов для МВД и параллельные занятия журналистикой).

О назначении в Гатчинский сиротский институт и возвращении Ушинского в педагогику

«Судьбу уже отчаявшегося Константина Дмитриевича кардинально изменил воистину счастливый «новогодний подарок». Помогла случайная встреча на Невском проспекте под новый, 1854 год с бывшим коллегой по Демидовскому лицее, высоко ценившим дарования Ушинского и пообещавшим ему помочь найти новую работу. И 1 января 1854 года Константин Дмитриевич увольняется из Департамента иностранных вероисповеданий, так как его пригласили на должность преподавателя русской словесности и законоведения в Гатчинский сиротский институт. Через год он становится инспектором (завучем) этого заведения. Так Константин Дмитриевич получил наконец возможность вновь заняться любимым делом» [Богуславский, 2023].

Встреча с Петром Владимировичем Голохвастовым, бывшим руководителем Демидовского лицея, под руководством которого Ушинский там и работал до увольнения и который был уволен оттуда сам, а

теперь стал директором Гатчинского сиротского института и формировал свою «команду», действительно вернула Ушинского в педагогику, чего могло бы и не произойти.

И такая встреча была в жизни Ушинского не единственной. Попасть в МВД в 1849 году Ушинскому удалось благодаря покровительству П. Г. Редкина, своего научного руководителя в МГУ, и С. С. Ланского, руководившего МВД и подбиравшего в ведомство образованные и способные кадры и, кстати, по совместительству, почетного попечителя Демидовского лицея и Смольного женского института. Переход Ушинского в Смольный женский институт, его выбор инспектором из нескольких кандидатов, его последующую заграничную научную командировку трудно представить без покровительства со стороны императрицы Марии Александровны, что является темой для особого и еще не осуществленного исследования. Наконец, пост главного редактора Журнала Министерства народного просвещения Ушинский получил благодаря энергичной поддержке прогрессивного министра просвещения Е. П. Ковалевского. Уволенный при другом министре Е. В. Путятине, Ушинский вновь приглашался на этот пост уже в 1862 году, но сам от него отказался в пользу своего друга Ю. С. Рехневского, который продолжал руководство ведущим педагогическим органом страны вплоть до 1866 года при министре А. В. Головнине, высоко ценившем Ушинского и дважды приглашавшем его вернуться к руководству журналом.

Поэтому вряд ли речь может идти лишь о счастливом стечении жизненных обстоятельств. Самодержавный режим не был единым, представлял сложные сочетания группировок консерваторов и прогрессистов в условиях десятилетия подготовки Великих реформ, эпохи, которая сама по себе была важнейшим фактором, обеспечившим Ушинскому известность. Без такой внешней поддержки Ушинский скорее всего канул бы в неизвестности или точно был бы потерян для отечественной педагогики, избрав другую профессиональную стезю.

О заграничной научной командировке Ушинского

«Поскольку просто уволить известного и любимого образованной Россией педагогического деятеля было не очень корректно, то внешне все было обставлено трогательной заботой властей о его здоровье – отправкой для работы и лечения за границу. К. Д. Ушинский был послан в Европу «для обозрения заграничных женских учебных заведений и подготовки учебника по педагогике. Командировка, а, по сути, ссылка продолжалась до 1867 года. Однако и эту вынужденную эмиграцию мыслитель старался по максимуму использовать на пользу отечественного образования» [Богуславский, 2023].

«Ссылка» происходила вместе с семьей и домочадцами – учителем детей, прислугой, с оплатой из казны переездов, лечения и бытовых расходов. При этом, больной Ушинский, по собственному признанию, мог работать не более трех месяцев из 12 ежегодно, остальное время бо-

лел [Струминский, 1960, с. 174]. Да и работал он не столько по прямому заданию «своего гранта» (учебник по педагогике для женских учебных заведений России на основе изучения зарубежного педагогического опыта), сколько над теми темами, которые ему казались по понятным причинам главными («Детский мир», «Родное слово», сбор материалов для главного труда «Человек как предмет воспитания»). Как сегодня отнеслись бы к такому «гранто-соискателю»? Ушинскому же год за годом в течение пяти лет продлевают заграничную командировку: только ли из удобства для власти его «вынужденной эмиграции», то есть Ушинского власть опасается? Если да – то чем он был так опасен для власти? Быть может, участием в обсуждении проекта школьной реформы 1864 года? Но она и так стала предметом широкого общественного обсуждения как в России, так и в Европе, причем, обсуждения, инициированного властью. Или из уважения к былым заслугам Ушинского и в надежде на появление мощного педагогического эффекта от таких льготных условий «ссылки» в виде эпохального педагогического труда, каким стали два тома «Человека как предмета воспитания», хотя третий, основной и собственно педагогический, том так и не был Ушинским закончен? Но, логично тогда предположить, что власть была очень дальновидна: кто мог тогда гарантировать, что Ушинский не умрет за границей, не написав и эти два тома?

На основе приведенных выше примеров-вопросов, которые очевидно должны возникнуть у внима-

тельного и знакомого с темой читателя биографий великого педагога, можно констатировать, что среди основных стереотипов, сложившихся к сегодняшнему дню в историографии и требующих дальнейшего научного осмысления:

– уверенность биографов Ушинского в его почти мессианской предрасположенности к педагогическим занятиям, основанных на его выдающихся способностях и потому не создающих в его биографии никаких жизненных альтернатив (Ушинский – вузовский преподаватель и ученый, журналист и публицист, чиновник и администратор);

– реализация Ушинским своего педагогического предназначения вопреки постоянным правительственным гонениям (увольнения Ушинского из Демидовского лицея в Ярославле и Смольного института, с поста редактора Журнала Министерства народного просвещения, вынужденная заграничная эмиграция-ссылка под видом научной командировки), хорошо вписывающаяся в этическую формулу «атлета жизненной борьбы», преодолевающего все препятствия;

– определение причин популярности Ушинского среди современников и потомков, среди педагогического и образованного сообщества дореволюционной России. Когда возник феномен Ушинского – при его жизни, только с 1880-х годов и далее? Почему среди множества представителей общественно-педагогического движения второй половины XIX века – талантливых и заметных педагогических журналистов, ученых, подготовивших со-

лидные научно-педагогические труды, известных своей деятельностью практиков образования, Ушинский, проработавший как практик педагогики совокупно 12 лет, написавший фундаментальный трехтомник, два необычайно популярных, но отнюдь не единственных учебных пособия и 15–20 программных педагогических статей, ставится современниками и потомками на недостижимую высоту как основатель национальной педагогики?

Автор надеется быть правильно понятым. Доказывать величие Ушинского с точки зрения автора этих строк не нужно и он, скорее, нуждается лишь в том, чтобы о нем вспоминали не только в связи с юбилеями, а разрабатывали его научно-педагогическое наследие (в том числе и биографическое) с научных и объективных позиций, по возможности уходя от идеологического клиширования, свойственного каждой новой исторической эпохе. Постановка же проблемных вопросов всегда является непременной частью любого научного исследования.

Итак, рискнем усомниться в привычных оценках некоторых биографических сюжетов, связанных с К. Д. Ушинским, исходя из тех же, что и для предыдущих авторов, источников и фактов.

Ушинский как педагог-практик

Константин Дмитриевич Ушинский за свою жизнь трижды выступал как педагог-практик, работая в известных учебных заведениях страны. С 1846 по 1850 год молодой выпускник юридического факультета Московского университета (воз-

раст – 23 года), Ушинский работал в качестве преподавателя (профессора) «юридических и камеральных наук» Демидовского лицея в г. Ярославль, фактически считавшегося «филиалом» юридического факультета МГУ. То есть Ушинский начал свою практическую деятельность в качестве педагога как вузовский преподаватель, «читавший» такие дисциплины, как государственное и финансовое право, энциклопедия законоведения. Вероятно, он пользовался большой популярностью среди студентов, так как именно ему были поручены подготовка и произнесение публичной актовой речи (по сути, лекции) «О камеральном образовании», где Ушинский изложил свое видение реформирования высшего юридического образования. Такое доверие может трактоваться не только как свидетельство популярности молодого магистра среди студентов, но и свидетельствовать о доверии к нему как к преподавателю и ученому со стороны лицейского руководства, которое тогда возглавлял П. В. Голохвастов, с которым Ушинский еще будет работать в дальнейшем.

Одним из поводов к увольнению Ушинского из Демидовского лицея в 1848 году стало его и еще двух молодых преподавателей нежелание представлять новому лицейскому начальству для предварительной проверки свои будущие лекции, от разрешенного текста которых теперь нельзя было отклоняться. Итак, Ушинский был не единственным, кто подвергся преследованиям в опасной для молодых российских вольнодумцев ситуации 1848 года.

Превентивным чисткам подвергались и другие вузы (в частности, МГУ) и увольнение Ушинского, прикрытое просьбой уволить его из лица по собственному желанию по состоянию здоровья, скорее стало лишь частью общей компании. Увольнение было связано не столько с доносами и инкриминированием конкретных прегрешений, сколько с общей перестраховкой в ситуации смены руководства лица (замены покровительствующего Ушинскому Голохвастова на другого, более жесткого и нацеленного на репрессивный для преподавателей и студентов курс директора).

После перерыва, когда Ушинский работал чиновником и журналистом (1849–1853), он был приглашен своим бывшим начальником – директором Демидовского лица, а ныне директором Гатчинского сиротского института (средняя профессиональная школа-интернат по подготовке будущих чиновников из числа сирот), П. В. Голохвастовым сперва в качестве преподавателя словесности и законоведения, но, вскоре, в качестве заместителя по учебной части (инспектора классов). Ушинский проработал в Гатчине с 1854 по 1859 годы, фактически, реформировав институт. Под его руководством была ликвидирована неуспеваемость (массовое второгодничество), начали работу учительские конференции (аналог современных методических объединений), пересматривались учебные программы, особенно по русскому языку. Парадоксально, но именно он предложил ограничить использование наглядных пособий (на них пе-

рестают обращать внимание дети, если пособия постоянно присутствуют в классе) и фундаментальной (преподавательской) библиотеки института учениками в силу их неготовности работать с неадаптированной к возрасту литературой. Своими обоснованными, но непривычными подходами Ушинский вызвал недовольствие и жалобы со стороны коллег (как предшествующих, например, известного петербургского педагога П. С. Гурьева, так и последующих, например, сменившего его на посту инспектора А. В. Панченко).

Именно в Гатчине Ушинский задумал хрестоматию, облегчающую освоение учениками родного языка (в дальнейшем его знаменитый «Детский мир»), именно здесь он стал осваивать найденную в запыленных шкафах педагогическую литературу («от Базедова и Песталоцци до Дистервега и Шмидта»), написав статью «О пользе педагогической литературы», сделавшей впервые его имя известным широкой публике.

Знакомство с императрицей Марией Александровной (официальной покровительницей учебных учреждений Мариинского ведомства) и подготовка по ее просьбе четырех писем о воспитании наследника престола, обеспечили выбор Ушинского из нескольких кандидатов на новый пост инспектора классов Смольного института (1859–1862). Правительству был нужен деятель, способный апробировать давно задумываемую, но никак не осуществляемую реформу закрытых женских институтов. Благодаря Ушинскому срок обучения в них был сокращен, в Смольном зарабо-

тала команда молодых преподавателей, приведенных Ушинским, были изменены программы преподавания разных предметов, перевод из класса в класс стал зависеть теперь не от возраста воспитанницы, а от ее успехов в учебе. Родной язык был поставлен в центр преподавания. Ушинский разработал программу и лично преподавал педагогику в выпускном педагогическом классе Смольного института (в реальности, педагогические классы появились в женских институтах до него, в 1845 году). Немногие сохранившиеся свидетельства говорят о нем как о преподавателе строгом, принципиальном, справедливом, порядочном, нервно-эмоциональном и непременно запоминающемся.

В 1862 году из-за интриг и развивающейся болезни (хроническим воспалением легких в диагнозах того времени именовался туберкулез, определенный как заразная болезнь только в 1882 году, то есть через 12 лет после смерти Ушинского), он покинул Смольный, уехав в заграничную командировку. На этом завершилась его деятельность в качестве педагога-практика, которая внешне казалась не велика. Но и задача Ушинского по развитию практического образования заключалась не в приобретении богатого педагогического опыта, а в инициировании образовательных изменений, с чем он и справлялся в короткие сроки на каждом из трех этапов своей практической деятельности в образовании.

Ушинский – журналист

В 1848 году в Ярославле, работая преподавателем Демидовского

лицея, Ушинский редактировал неофициальную (научно-просветительскую) часть местной газеты «Ярославские губернские ведомости». Полученное в Новгород-Северской гимназии и Московском университете образование и неустанное его самообразовательное пополнение позволяло Ушинскому использовать знание латыни и трех основных европейских языков как переводчику, обладать широкой эрудицией в области права, истории, географии, словесности, то есть быть энциклопедистом. Ушинскому приходилось писать и редактировать статьи самого широкого содержания, не имевшие прямого отношения к образованию и педагогике.

Журналистом Ушинский продолжил быть после приезда в Петербург, когда стал работать чиновником Министерства внутренних дел (1850–1854). Порученная Ушинскому там аналитическая работа не требовала постоянного присутствия и оставляла время для научных занятий, что увлекло (требовался и дополнительный заработок) Ушинского на стезю журналистики. Местом его журналистско-переводческой работы с 1852 года стали популярные журналы того времени «Вестник географического общества» (1852–1854), «Современник» (1852–1854) и «Библиотека для чтения» (1854–1856). Здесь Ушинского использовали как составителя обзоров российских и зарубежных журналов, поручая готовить материалы, которые даже не публиковались под его именем. Вместе с тем, издатель «Библиотеки для чтения» А. В. Старчевский в своих воспоминаниях

считает, что, поручив Ушинскому перевод статьи об американском образовании, он тем вызвал его интерес к педагогике. Правда, «вспомнил» он об этом только через 12 лет после смерти великого педагога.

С 1857 года Ушинский выступает как автор самостоятельных педагогических статей. В «Журнале для воспитания» он публикует свою статью «О пользе педагогической литературы», принесшей ему известность в обществе на волне общественного подъема и интереса к вопросам народного просвещения. Пиком его деятельности как журналиста стало редактирование главного педагогического органа страны – Журнала Министерства народного просвещения (1860–1861). Речь шла о его принципиальном изменении, превращении из научно-энциклопедического, безликого, в журнал собственно педагогический. Программу Ушинского для журнала многие встретили в штыки, так как он рассматривал журнал как теоретико-педагогический, ищущий научные основы педагогики, а не практический. Однако, смена министра просвещения (Е. П. Ковалевского сменил Е. В. Путятин) привела к добровольному уходу Ушинского с этого поста, куда ему неоднократно в последующие годы предлагали вернуться.

В дальнейшем Ушинский был связан с журналистикой уже как автор, публиковавший свои статьи во многих педагогических журналах того времени.

Ушинский в заграничной командировке

Увольнение Ушинского из Смольного института сопровождалось вызвавшей большой резонанс в обществе «смольнинской историей». При этом, его педагогические способности ценились не только в прогрессивных общественных кругах, но и в правительственных сферах. Покровительство императрицы Марии Александровны и фактического руководителя Ведомства учреждений императрицы Марии принца П. Г. Ольденбургского (еще одна важная тема для исследований), а также министров народного просвещения А. С. Норова, Е. П. Ковалевского, А. В. Головина, обеспечили Ушинскому не отставку, а лишь смену сферы педагогической деятельности, которая позволила ему сосредоточиться на занятиях теоретической педагогикой. Ушинский с семьей был командирован в Европу за казенный счет для изучения опыта постановки женского образования за рубежом. Поводом для командировки было и лечение тяжело больного Ушинского у европейских врачей.

Сегодня такую командировку трудно трактовать как «наказание и ссылку». Да, Ушинский оказался в значительной степени выключен из педагогических споров по вопросам готовящейся реформы образования, лишен привычного круга общения с соратниками. С другой стороны, заграничная пятилетняя, периодически продлеваемая вне просьб самого Ушинского командировка (1862–1867) представляла сочетание почти непрерывной борьбы великого педагога с непрекращающейся болезнью и постоянной научной работы. В реальности этот смертельно боль-

ной человек, который имел полное моральное право заниматься спасением собственной жизни, ни на минуту не прекращал свою педагогическую деятельность. При первой возможности он посещал женские учебные заведения Швейцарии, Германии, Франции, Бельгии, составляя по результатам изучения их опыта подробные отчеты, публиковавшиеся на родине. В лихорадочной спешке он писал и редактировал свои педагогические труды (Родное слово, Человек как предмет воспитания, статьи). Дважды (в 1863 и 1864 годах) Ушинский приезжал в Петербург, где сразу погружался в атмосферу борьбы о путях реформирования народной и средней школы, выступая с докладами в Петербургском педагогическом обществе и со статьями в педагогических журналах как сторонник реальной, а не классической (основанной на преподавании латыни) школы, что также нуждается сегодня в специальном исследовании, ранее частично проводившемся только в 1945 году Ш. И. Ганелиным, но являвшимся основным спорным вопросом о развитии отечественной средней школы.

Для Ушинского время его заграничной командировки стало самым плодотворным периодом научно-педагогической деятельности, сделавшей его в восприятии общественности основателем самобытной российской национальной научной педагогики. И трудно сказать, как бы мы сегодня воспринимали Ушинского, не сложись его судьба именно таким образом.

Ушинский и Петербург

Имя великого русского педагога связано с разными местами: Тулой, где он родился, Новгород-Северским, где прошло его детство, Москвой и Ярославлем, где он учился и начал преподавать, Петербургом, где протекала основная часть его деятельности, с Беве и Женевой в Швейцарии и Гейдельбергом в Германии в годы заграничной командировки. Завершилась жизнь Ушинского на Украине, будучи связанной с хутором Богданка (владением жены Ушинского) на Черниговщине, Киевом (где семья приобрела дом) и Одессой, где Ушинский скончался в 1870 году.

«Худ ли, хорош Питер, но я с ним сжился сердцем: в нем протекла самая существенная часть моей жизни, много прочувствовано и горя и радости, и много проработано; там я таскался без куска хлеба, и там я составил состояние...там я был не ведом ни одной душе и там я приобрел себе имя, надеюсь, честное, – и вот почему слеза у меня наворачивается, когда я вспоминаю Петербург и что, по всей вероятности, мне уже более не увидеть его», – писал Ушинский своему другу педагогу Я. П. Пугачевскому перед смертью [Зажурило, 1979, С. 75].

Несколько мистическим образом начало и конец жизни Ушинского в Петербурге связаны с окрестностями Владимирской церкви (ныне у станции метро Владимирская, в обиходе – Пять углов): здесь в 1849 году по приезде в Петербург молодой чиновник Ушинский делил квартиру с приятелями в Поварском переулке, в доме Сычева у Владимирской церкви. И здесь же семья Ушинского жи-

ла в последние его годы (1867–1870) после возвращения из заграничной командировки (по адресу улица Большая Московская, 8, в доме Ожеровского на углу с Малой Московской). Неподалеку в течение четырех лет Ушинский работал чиновником Министерства внутренних дел (1849–1853), посещая Департамент иностранных вероисповеданий МВД по адресу набережная Фонтанки, 57.

Конечно, к петербургским адресам Ушинского следует отнести Гатчинский сиротский институт (Гатчина, Большой пр. (ныне проспект 25 октября), 2), в комплексе зданий которого Ушинский пять лет проживал с семьей, и Смольный институт (Воспитательное общество благородных девиц), где семья Ушинского пять лет квартировала во флигеле института. Эту квартиру (Пальменбаховская ул., ныне ул. Смольного, 5) за Ушинскими начальство Смольного оставило на несколько лет и после его отъезда в заграничную командировку. Здесь, в Смольном институте, после возвращения из-за границы учились дочери Ушинского. Связан Ушинский и с Павловском, где жила его семья во время недолгих возвращений из-за границы.

Другие петербургские адреса связаны с деятельностью великого педагога. Чаще всего, это адреса редакций журналов, в которых он работал: «Журнала для воспитания» по адресу Банковский пер., 1 (напротив Львиного мостика); Журнала Министерства народного просвещения по ул. Троицкой, ныне Рубиншейна, 13, ныне театр Зазеркалье; «Народная

школа» по адресу Большой пр. Петроградской стороны, 49 (в ныне не существующем здании Введенской гимназии, теперь на этом месте находится отель «Введенский»); Журнала «Педагогический сборник» по адресу ул. Торговая (ныне ул. Союза Печатников), 9. Есть и адреса квартир соратников Ушинского, где он часто бывал и где обсуждались педагогические вопросы: квартира Л. Н. Модзалевского на ул. Фурштатская, ныне ул. Лаврова, 33 или квартира В. И. Водовозова (Климов пер., 5, кв. 24.). Сохранились и адреса официальных учреждений, связанных с именем Ушинского, которые он неоднократно посещал: здание Министерства народного просвещения по ул. Росси, 1/3 или здание Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии на улице Большой Мещанской (ныне ул. Казанская), 7.

Круг Ушинского

Дружеский, семейный круг, круг соратников, круг знакомств... Все эти локации и входящие в них персоналии могут расширяться бесконечно на протяжении жизни великого человека. Тем более, что архивные материалы, связанные с Ушинским, сохранились плохо (в отличие от многочисленных исследований его биографии и творчества): утрачены в годы гражданской войны материалы, связанные с работой Ушинского в Ярославле, еще до революции был утилизирован архив Гатчинского сиротского института, в знаменитом пожаре Апраксина двора в 1863 году погиб архив МВД, где Ушинский работал чиновником.

Чаще всего, говорят о соратниках Ушинского по Смольному институту, об «ушинцах» как группе молодых педагогов, которых Константин Дмитриевич лично подбирал для этой работы и многие из которых стали в дальнейшем известны, оставили свои воспоминания об Ушинском.

Но сам Ушинский в переписке в разгар своей педагогической деятельности (1850-е годы) воспринимал себя одиноким человеком, находящимся вне общественно-политических течений и споров того времени. Попытки приписать Ушинскому либо патриархально-консервативные, либо радикальные воззрения уже давно развенчаны его биографами, но, все равно, вырванные из контекста отдельные цитаты великого классика становятся аргументом в современных спорах. В чем же причина одиночества Ушинского?

Когда в 1859 году Ушинский сформировал в Смольном институте команду молодых преподавателей, которых он лично отбирал из числа практически тогда никому не известных петербургских педагогов, он окружил себя людьми, для которых сам он был представителем старшего поколения (людей 1840-х годов), несмотря на незначительную с нашей точки зрения возрастную разницу. Самому Ушинскому было в то время «под 40», в то время как они были в возрасте молодого Ушинского, приехавшего преподавать в Ярославль (в среднем 25 лет). Да и продолжительность жизни тогда была гораздо меньшей, взрослость воспринималась существенно

раньше, чем сегодня, сорокалетний был уже почти стариком.

Кто же вошел в дружеский педагогический круг «ушинцев»? Наиболее известны среди них оставившие в дальнейшем воспоминания об Ушинском: будущий автор гимназической хрестоматии по отечествоведению, созданной по примеру «Детского мира» Ушинского, преподаватель географии Первой петербургской гимназии Д. Д. Семенов; будущий создатель и редактор журнала «Русская старина», а пока преподаватель истории Сухопутного кадетского корпуса М. И. Семевский; будущий автор первой отечественной истории педагогики, соавтор Ушинского по сборнику «Родное слово» Л. Н. Модзалевский, тогда только закончивший историко-филологический факультет Петербургского университета и начавшего преподавать в Третьей мужской гимназии и Мариинском женском училище; преподаватель словесности в Первой гимназии, в будущем известный методист-словесник, автор детских хрестоматий по истории и литературе, общественно-педагогический деятель В. И. Водозовов. Только последний был сверстником Ушинского. Большинство приведенных Ушинским преподавателей работали в Таврической (барона Косинского на углу Таврической и Тверской улиц) и других петербургских воскресных школах, которые представляла своеобразный центр передовой педагогики того времени.

Менее известны такие члены этого дружеского кружка коллег по Смольному как личный друг Ушин-

ского, с которым тот постоянно находился в дружеской переписке, преподаватель естествознания и коллега Ушинского по Гатчинскому институту Я. П. Пугачевский; молодой преподаватель словесности, в будущем известный профессор СПбГУ О. Ф. Миллер; учитель математики В. Ф. Буссе, которые продолжили преподавание в Смольном и после ухода Ушинского.

Продолжателями педагогических идей Ушинского можно в большей степени считать его современников В. Я. Стоюнина (методиста словесности, автора учебных пособий для начальной и средней школы, сторонника, как и Ушинский, реальной средней школы), деятелей начального школьного образования Н. Ф. Бунакова, В. П. Вахтерова, А. Н. Острогорского, историков русской педагогики П. Ф. Каптерева и М. И. Демкова, оценивших вклад и место наследия Ушинского в ней. В СССР же практически любого педагогического деятеля связывали с идеями и наследием «гениального российского педагога». Но Ушинский-символ и Ушинский-реальный исторический деятель похоже еще долго будут нуждаться в новых объективных исследованиях.

У великого педагога были гимназические и университетские друзья, с которыми он вел переписку, велики его контакты в журналистской среде. Но сейчас, ради исторической справедливости, хотелось бы остановиться на тех, кто стал для Ушинского опорой для его становления в педагогике, о тех, кто не относим к «прогрессивному и демократическому лагерю», на чем

всегда делала акцент дореволюционная и, в особенности, советская историография, занимавшаяся биографией Ушинского. Таких людей в жизни великого педагога было несколько.

В жизни Ушинского было три человека, определивших его образование: мать, давшая сыну домашнюю образовательную подготовку, директор Новгород-Северской гимназии И. Ф. Тимковский, создавший учебное заведение, позволившее Ушинскому поступить в Московский университет и его профессор П. Г. Редкин, известный педагог, порекомендовавший Ушинского для работы в Ярославле, поддержавший уволенного оттуда Ушинского при устройстве на работу как чиновника и, в дальнейшем, его соратник по Петербургскому педагогическому обществу, председателем которого он являлся.

В советские годы было принято вскользь говорить о поддержке Ушинского высокого уровня чиновниками от образования: П. В. Голохвастов дважды приглашал Ушинского в руководимые им учебные заведения (Демидовский лицей и Гатчинский сиротский институт); С. С. Ланской был не только товарищем (заместителем) и впоследствии министром внутренних дел, но и почетным опекуном этих учебных заведений и Смольного института, поэтому хорошо знал Ушинского не только как чиновника, но, прежде всего, как педагога, которого постоянно поддерживал в тяжелые для Ушинского годы. Пост редактора Журнала Министерства народного просвещения предложил Ушинско-

му известный геолог, открывший богатства Донбасса, и по совместительству министр просвещения Е. П. Ковалевский. Ушинского не только преследовали, но и помогали ему по мере возможностей министры просвещения А. С. Норов, А. В. Головин, И. Д. Делянов (будущий министр, а в году деятельности Ушинского попечитель Петербургского учебного округа).

Требует специального изучения тема явно имевшего место покровительства Ушинскому со стороны царствующей императрицы Марии Александровны, руководившей деятельностью учреждений Мариинского ведомства, где и работал Ушинский и главноуправляющего этим Ведомством П. Г. Ольденбургского. Сегодня очевидно, что имя Ушинского могло кануть в неизвестность после каждого из двух профессиональных кризисов (увольнение из Ярославля и Смольного). Но всякий раз удар смягчался и вряд ли этот феномен может быть объясним только счастливым стечением обстоятельств. Похоже, что, по крайней мере, часть властных элит понимала значение, способности и ценность Ушинского.

Обсуждение результатов. Чем более велик человек, тем больше мифов рождает вокруг его жизни и деятельности общественное сознание во взглядах современников и потомков. Понимание значения Ушинского современники начали осознавать достаточно рано. Первые работы о нем публиковали близкие ему люди: Ю. С. Рехневский (университетский друг, соратник по Журналу Министерства народного

просвещения), А. Ф. Фролков (секретарь Ушинского, помогавший его вдове систематизировать личный архив педагога), Д. Д. Семенов и Л. Н. Модзалевский, работавшие с Ушинским в Смольном институте, А. В. Старчевский и А. А. Чумиков, вспоминая Ушинского-журналиста. Первые биографии Ушинского, написанные как исследования, а не как воспоминания современников, принадлежат перу М. Л. Песковского (способствовавшая началу популярности Ушинского как главного дореволюционного педагога России) и В. И. Чернышева (первая научная биография Ушинского, появившаяся лишь спустя 40 лет после его кончины, когда многие материалы и свидетельства очевидцев были утрачены). С начала XX века и на всем его протяжении любое отечественное историко-педагогическое сочинение уже не проходило без упоминания имени Ушинского и таких исследований становилось все больше. Главными биографическими исследованиями наследия Ушинского стали в советское время труды В. Я. Струминского, С. Ф. Егорова, Э. Д. Днепровца.

Среди наиболее распространенных мифологем точная дата рождения Ушинского (что определяло «удобство» юбилейных торжеств), социальная принадлежность его к помещикам, владевшим крепостными и вступавшая в противоречие с растиражированным образом разночинца-демократа, отношение Ушинского к революционной демократии середины XIX столетия (уход Ушинского из редакции журнала

«Современник»); причины увольнения Ушинского из Демидовского лицея, часто трактовавшиеся советскими популяризаторами как преследование борца с официальной педагогикой.

И таких мифов, требующих знания фактов биографии педагога, а не подстраивания их под канонизированный каждой эпохой образ Ушинского множество (в советскую эпоху Ушинский представлялся едва ли не революционером в педагогике, едва ли не «борцом с режимом», в постсоветские времена – все чаще как глубоко верующий православный педагог, однако, имевший свою, не совпадавшую с официальной позицию относительно школьного православного воспитания, чем и аргументировались его обвинения чуть ли не в безбожии).

Заключение. Анализ источников показал, что в биографиях К. Д. Ушинского присутствуют мифы более глобального порядка, которые сформировались, как ни странно, именно благодаря столь частому обращению к его наследию. Главный из них состоит в том, что Ушинский как бы «возник из ниоткуда» и после него столь же значимой фигуры в отечественной педагогике не было (аналогичные метаморфозы свойственны и другим юбилярам 2023 года – А. С. Макаренко и В. А. Сухомлину). Распространен миф об Ушинском как слабом педагоге-практике, занимавшемся исключительно вопросами педагогической теории, базировавшейся к тому же на идеях зарубежных педагогов.

Таким образом, каждой эпохой создавался «свой Ушинский», подчас не имевший ничего общего ни с реальными фактами, ни с объясняющей эти факты эпохой, в которой Ушинскому довелось творить. Поэтому, несмотря на 200-летний юбилей и, казалось бы, всестороннюю проработку доступных источников, биографические исследования деятельности К. Д. Ушинского необходимо продолжать: хотя бы ради того, чтобы современная эпоха определилась со своим образом «Нашего все...».

Список литературы

1. Богуславский, М. В. Наше все... Константин Дмитриевич Ушинский. К 200-летию со дня рождения творца русской национальной педагогики / М. В. Богуславский. – Текст : непосредственный // Учительская газета. – № 7 (10972) от 14 февраля 2023 года. – С. 12–13.
2. Ганелин, Ш. И. Ушинский и средняя школа / Ш. И. Ганелин. – Текст : непосредственный // Советская педагогика, 1945. – № 12. – С. 68–76.
3. Демков, М. И. Русская педагогика в главнейших ее представителях / М. И. Демков. – Текст : непосредственный. – Москва : типограф. Тихомирова, 1898. – Гл. 22. К. Д. Ушинский. – С. 24–269.
4. Ельницкий, К. В. Русские педагоги второй половины 19 столетия / К. В. Ельницкий. – СПб : типограф. Д. Д. Полубояринова, 1904. – 167 с. – Текст : непосредственный.
5. Жизнь и наследие К. Д. Ушинского: межвузовский сб. науч. трудов / под ред. А. И. Иванова. –

Ярославль, 1986. – Текст : непосредственный.

6. Зажурило, В. К. Ушинский в Петербурге / В. К. Зажурило. – Ленинград : Лениздат, 1979. – 171 с. – Текст : непосредственный.

7. Иванов, А. Н. Ушинский в Ярославле: исследования и доклад о научно-педагогической и литературной деятельности / А. Н. Иванов. – Ярославль, ЯГПИ, 1963. – 492 с. – Текст : непосредственный.

8. Иванов, А. Н. К. Д. Ушинский – гимназист, студент, профессор / А. Н. Иванов. – Ярославль, Верхне-Волжское кн. Издательство, 1973. – 238 с. – Текст : непосредственный.

9. Острогорский, В. П. Константин Дмитриевич Ушинский // Острогорский В. П., Семенов Д. Д. Русские педагогические деятели. – Текст : непосредственный. – Москва, 1887. – Раздел 10. – С. 94–103.

10. Песковский, М. Л. К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность: биографический очерк / М. Л. Песковский. – СПб : типограф. Ю. Н. Эрлиха, 1893. – 80 с. – Текст : непосредственный.

11. Струминский, В. Я. Очерк жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского (биография) / В. Я. Струминский. – Москва : Учпедгиз, 1960. – 348 с. – Текст : непосредственный.

12. Ушинский, К. Д. Педагогическая антропология (Т. 1). Русская школа (Т. 2). / состав., науч. ред. Э. Д. Днепров. – Москва : Издательство УРАО, 2002. – 416 с. – Текст : непосредственный. Фролков, А. Ф. Константин Дмитриевич Ушинский. Краткий биографический очерк / А. Ф. Фролков. – СПб : типограф. М. М. Стасюлевича, 1881. – 65 с. – Текст : непосредственный.

13. Чернышев, В. И. Разыскания об К. Д. Ушинском / В. И. Чернышев. – Текст : непосредственный // Русская школа. – 1912. – № 2, отд. 1. – С. 1–26.

14. Шевелев, А. Н. Константин Дмитриевич Ушинский / А. Н. Шевелев // Россияне: кн. для чтения по истории Отечества 19 – начала 20 веков. – Ч. 2. На ниве культуры. – СПб : СПбГУПМ, 1994. – 266 с. – Текст : непосредственный.